

И.И. Писаревский

**БОРЬБА РАЦИОНАЛЬНЫХ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ НАЧАЛ
В ИСТОРИИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
И ЕЕ КОРРЕЛЯЦИЯ С ИЗМЕНЕНИЯМИ В НАУКЕ**

Использован сравнительно-исторический метод для рассмотрения развития института уголовно-процессуального доказывания через призму борьбы рациональных и иррациональных начал. Рассматривается проблема места иррациональности в уголовном процессе.

Ключевые слова: *доказывание, рациональность, иррациональность, история, памятник права.*

До наших дней дошло множество исторических памятников права, в которых путем соответствующих юридических конструкций решалась проблема изобличения преступников. В наиболее широком смысле эта деятельность по установлению преступления и лица, его совершившего, выступает предельным основанием доказывания по уголовным делам.

На сегодняшний день важность доказывания является общепризнанной. Доказывание называют ядром или стержнем уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 5–6; 2, с. 7–9; 3, с. 127], пронизывающим собой все стадии уголовного процесса [4, с. 11], что нам представляется справедливым.

При этом доказывание в наиболее широком смысле сводится к восприятию и оперированию доказательствами и (или) доказательственными фактами для установления определенных обстоятельств в рамках уголовного дела [5, с. 295; 6, с. 7; 7, с. 26].

Таким образом, безусловное предпочтение отдается эмпирической и рациональной составляющим доказывания как двум, последовательно сменяющим друг друга и взаимосвязанным уровням познания. «Судейское убеждение лишено всякой иррациональности», – пишет М.С. Строгович [8, с. 337]. «Субъект доказывания, устанавливая при помощи доказательств обстоятельства дела, точно так же, как и в любых других областях человеческой деятельности, переходит от чувственного восприятия отдельных фактов, признаков, свойств тех или иных объектов, играющих роль доказательств, к логическому осмыслению воспринятого, к рациональному мышлению», – указывает А.Р. Белкин [9, с. 12]. Однако действительно ли доказывание может быть исчерпывающим образом описано с точки зрения эмпирического и рационального познания? Есть ли в нем место иррациональным началам, которые не укладываются в вышеуказанную схему?

Данный вопрос хотелось бы рассмотреть с применением сравнительно-исторического метода, так как, выступая частным проявлением человеческой деятельности, историческое развитие института доказывания во многом связано в первую очередь с социально-детерминированным процессом развитием самого человека, к источникам которого относятся труд, его естественноисторическая дифференциация, образование, наука [10, с. 78].

При этом ключевые вехи развития уголовно-процессуального доказывания в историческом контексте могут быть прослежены на уровне важнейших нормативно-правовых актов, выступающих продуктом человеческой деятельности и регулирующих вопросы доказывания, центральное место среди которых занимают кодифицированные акты, закладывающие основы законодательной системы страны [11, с. 240; 12, с. 301; 13, с. 30].

Обращение к этим ключевым памятникам российской правовой мысли позволяет проследить скрытую борьбу рациональных¹ – основанных на разуме [14, с. 218] – и иррациональных – лежащих за пределами досягаемости разума, недоступных в рамках логического мышления [15, с. 568] – начал.

На ранних этапах развития уголовно-процессуального права² в отношении вопросов доказывания усматривается если не доминирование, то существенная роль иррациональности. Статья 10 Краткой Правды предусматривает присягу как способ атрибутирования доказательствам необходимого уровня достоверности, достаточного для разрешения дела по существу: «Если пихнет муж мужа от себя или к себе, то должен платить 3 гривны, если на суд приведет двух свидетелей. При этом варяг или колбяг не приводит свидетелей, но сам идет к присяге» [16, с. 82].

Наряду с присягой закреплялись и иные, наиболее архаичные способы проверки достоверности доказательств, – ордалии (лат. *judicium Dei* – суд Божий), результат применения которых, выходя за рамки средства проверки доказательств, сам становится безусловным доказательством фактов, необходимых для разрешения дела, то есть трансформируется в формальное доказательство. Например,

¹ Рациональность, будучи более высоким уровнем, необходимо включает в себя эмпирическое познание, поэтому впоследствии нами будет использоваться именно этот термин, что, однако, не подразумевает отрицания их взаимного проникновения.

² Необходимо иметь в виду, что дальнейшее упоминание понятий «уголовно-процессуальное право» и «уголовный процесс» носит достаточно условный характер, так как долгое время российское законодательство не знало четкого разделения материальных и процессуальных отраслей права, а также разделения процесса на гражданский и уголовный. Вместе с тем уже с древнейших времен существовали особые нормы права, предметом регулирования которых выступали именно уголовно-процессуальные отношения в современном их понимании.

ст.ст. 21–22 Пространной Правды предусматривали, что при отсутствии свидетелей с обеих сторон, если обвинитель поддерживает выдвинутое им обвинение, спор между ними, в зависимости от инкриминируемого деяния, следует разрешать испытанием железом, водой или присягой.

Постепенное вытеснение иррациональности наблюдается в Судебнике 1497 г., который впервые выделяет в качестве самостоятельного понятия доказательств термин «улики», на основании которых происходит изобличение лица в совершенном преступлении [17, с. 358–359].

В пришедшем на смену Судебнике 1550 г. при рассмотрении уголовных дел решающее значение приобретает признание вины, для получения которого предусматривается легальное использование пытки. Данные положения закрепляются в ст.ст. 25, 52, 56–57 [18, с. 277]. При этом наблюдается постепенный отход от судебного поединка как способа проверки показаний свидетелей, что находит свое выражение, например, в ст. 27 и свидетельствует об укреплении в процессе доказывания рациональных начал. Дальнейшее развитие получает теория формальных доказательств.

Принятое в 1640 г. Соборное Уложение, сохраняя существенное значение признания, данного под пыткой, смещает акцент в пользу оговора и отрицательной характеристики личности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в качестве безусловного доказательства его виновности, что находит свое выражение в частности в ст. 41 [19, с. 419]. Из уголовного процесса исчезает институт поля, лимитируется институт присяги, которая упоминается в качестве доказательства лишь в ст. 51. Наблюдается расцвет формальной теории доказательств, однако включающей в себя пытку как главный способ проверки доказательств. Рациональность хотя и с учетом архаичности уголовного процесса и его искаженности пытками приобретает доминирующее значение.

При Петре I получает свое дальнейшее развитие теория формальных доказательств, что находит выражение в принятом «Кратком изображении процессов», который выстраивает иерархию доказательств на основе их юридической силы от наиболее существенного к наименее. Так, доказательствами признаются: признание, свидетельские показания, письменные доказательства, присяга (ст. 6 гл. 1 ч. 2 Краткого изображения процессов) [20, с. 588].

Вместе с тем здесь также не наблюдается полного исчезновения иррациональности из уголовного процесса. Присяга, хотя и в ограниченном виде, используется для разрешения дел при отсутствии любых иных доказательств, обладающих большей юридической силой. Присяга также рассматривается как обязательное условие привлечения лица в качестве свидетеля. Также согласно ст. 2 исключается возможность рассматривать в качестве свидетельских показания людей, лишенных чести, не принявших причастие.

Впоследствии, вплоть до 1832 г., оформившаяся при Петре I система доказывания кардинальным образом не меняется. Наблюдается лишь определённая гуманизация уголовного процесса, в частности путем ограничения пытки и введения некоторого рода ограничений собственного признания, как единственно достаточного для разрешения дела по существу доказательства.

И 1832 г. ознаменовался для Российского государства завершением работы по кодификации законодательства. Издан многотомный Свод законов Российской империи, где том 15 «Законы уголовные» посвящен, среди прочего, вопросам уголовного процесса. Доказательства по-прежнему разделяются на совершенные и несовершенные (см. ст.ст. 305, 306, 307 Законов уголовных) [21, с. 666], центральное место среди которых также занимает собственное признание, однако для него вводится ряд ограничений, в частности оно должно не противоречить иным обстоятельствам (см. ст. 317 Законов уголовных). Присяга всё еще допускается в качестве доказательства, хотя и в исключительных случаях (см. ст. 344 Законов уголовных). При оценке доказательств акцент делается на том, что приговоры «должны быть составлены без всякого пристрастия, по прилежному рассмотрению всех обстоятельств учиненного преступления, они должны быть основаны на существе доказательств и на точном разуме законов, а не на едином лишь судейском рассуждении».

В 1864 г. на смену «Законам уголовным» приходят Судебные уставы, вторую часть которых составляет Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС 1864 г.), который заложил основные институты уголовного процесса и выступил во многом прообразом советского, а затем и современного уголовно-процессуального законодательства.

УУС 1864 г. оформляет окончательный отказ от присяги как самостоятельного доказательства, придавая ей форму официального обряда, направленного на придание торжественности процессу. Для светских людей присяга заменяется напутственной речью председательствующего судьи (см. ст. 717 УУС 1864 г.) [22, с. 254].

Хотя признание вины по-прежнему считается безусловным доказательством, вынесение приговора, основанного только на нем, допускается лишь при отсутствии сомнений в правдивости такого признания (см. ст.ст. 680–681 УУС 1864 г.), в остальной части теория формальных доказательств прекращает свое существование. Выделяют вещественные, письменные доказательства, свидетельские показания и иные виды доказательств, никакие из которых не имеют заранее установленной силы.

Вводится понятие внутреннего убеждения судьи (см. ст. 766 УУС 1864 г.), на основании которого дело и разрешается по существу. Основой формирования внутреннего убеждения выступает «обсуждение всей совокупности обстоятельств дела».

Таким образом, на этом этапе, с одной стороны, мы видим полное исчезновение архаичных иррациональных проявлений из уголовно-процессуального доказывания, формирование развитой системы доказательств, оперирование которыми осуществляется, безусловно, с помощью разума, а с другой – апеллирование к внутреннему убеждению судьи, на формирование которого могут оказывать влияние всевозможные факторы, в том числе имеющие под собой иррациональную природу. В последующем и вплоть до наших дней эта общая тенденция сохраняется, что можно проследить на примере действующего уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, сравнительно-исторический метод позволяет с определенной степенью достоверности атрибутировать хронологии развития уголовно-процессуального доказывания коллизию рациональных и иррациональных начал с постепенным вытеснением последних.

Рассматривая уголовно-процессуальное доказывание как частное проявление человеческой деятельности, а также принимая нашедший широкую поддержку тезис о том, что уголовно-процессуальная деятельность в целом и доказывание в частности – это деятельность познавательная [5, с. 297; 23, с. 107; 24, с. 182; 25, с. 8–13; 26, с. 31–36], нетрудно заметить корреляцию между последовательными изменениями в уголовном процессе и развитием науки в целом, где развитие последней в обобщенном виде можно представить как смену соответствующих научных парадигм.

Как правило, выделяется четыре парадигмальных состояния науки, каждое из которых определяется в зависимости от типа господствующей рациональности: 1) период, предшествующий становлению классической рациональности (до XVII в.); 2) классическая рациональность (начало XVII – первая половина XIX в.); 3) неклассическая рациональность (конец XIX – первая половина XX в.); 4) постнеклассическая рациональность (конец XX – начало XXI в.) [27, с. 366].

Период, предшествующий формированию классической рациональности, характеризуется неразвитостью основных научных институтов, отсутствием отраслевого деления наук, доминирующими положениями религии, что находит свое выражение в доказывании по уголовным делам, значительное место в котором занимают ордалии, поле, присяга, имеющие под собой, безусловно, теологические – взятые – начала, которые нельзя отнести ни к рациональному, ни к эмпирическому уровню познания.

Классическая рациональность с ее основным тезисом познаваемости мира с помощью разума при полной элиминации всего, что относится к субъекту познания, соответствует ограничению иррациональных начал процесса и развитию формальной теории доказательств, процветавшей с XVII по начало XIX в., когда функции судьи в доказывании сводились к вынесению решения на основании механиче-

ского сложения доказательств, имеющих заранее установленную силу, с почти полным отстранением судьи от их самостоятельного – внутреннего – исследования.

Начиная со второй половины XIX в. через категорию внутреннего убеждения наблюдается непосредственное включение судьи в процесс доказывания, что также коррелирует с осознанием включенности субъекта познания в познаваемый им мир как одного из центральных постулатов неклассической рациональности, впоследствии воспринятый также и постнеклассической рациональностью. Последняя дополнительно начинает включать в себя всё больше нравственных категорий, в качестве необходимых атрибутов, казалось бы, чисто рациональной научной деятельности. При этом, безусловно, решающее значение в оценке доказательств сохраняется за рациональными факторами. Вместе с тем включение судьи в процесс доказывания через категорию внутреннего убеждения предполагает возврат в процесс субъективности, включающей в себя и иррациональные элементы, связанные, например, с интуицией судьи или его внутренними переживаниями. Обращаясь к словам А.Ф. Кони, судья при принятии решений должен говорить: «я не могу иначе, не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона, твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение» [28, с. 34]. В этой связи возникает вопрос, что есть это «внутреннее чувство», которое подсказывает судье решение, может ли это чувство быть основано исключительно на холодной работе разума? Мы считаем, что нет.

Из вышесказанного следует, что историческое развитие института доказывания явственно пересекается с развитием общества и изменениями в научной среде.

На сегодняшний день на уровне науки достигнуто четкое осознание невозможности изъятия субъекта, а следовательно, и всего субъективного (включающего в себя и иррациональное) из процесса познания, относительной познаваемости мира. Следовательно, иррациональные начала априори не могут быть изъятые и из процесса доказывания по уголовным делам, который также подчиняется общим правилам и принципам познания.

Тезис о необходимости полного исключения иррациональности из процесса доказывания может рассматриваться лишь в качестве условного допущения или благого пожелания, однако обосновано ли это допущение? Не является ли это попыткой отмахнуться от проблемы вместо ее разрешения?

С учетом вышесказанного на сегодняшний день задача исследователя в данной области видится именно в формировании непредвзятого отношения к иррациональным началам в современном уголовном процессе, и в первую очередь в уголовно-процессуальном доказывании на основе адекватной имплементации новейших научных достижений к последним.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Очередин В.Т.* Доказывание в уголовном процессе: учеб. пособие. Волгоград, 2005. 152 с.
2. *Старикова Ю.А., Лубин С.А.* Опыт корректировки некоторых ключевых понятий теории доказательств и доказывания // *Российский следователь*. 2007. № 1. С. 7–9.
3. *Лушинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 240 с.
4. *Сердюков П.П.* Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела [Текст]: учеб. пособие. Иркутск, 1981. 87 с.
5. *Строгович М.С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 319 с.
6. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. 240 с.
7. *Заблоцкий В.Г.* О двух аспектах понятия уголовно-процессуального доказывания // *Доказывание по уголовным делам: межвуз. сб.* Красноярский университет. Красноярск, 1986. С. 27–32.
8. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 469 с.
9. *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. 528 с.
10. *Материалистическая диалектика*: в 5 т. Т. 4. Диалектика общественного развития / под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова; отв. ред. В.Г. Марахов. М.: Мысль, 1984. 320 с.
11. *Абдуллаев М.И.* Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М.: Магистр-Пресс, 2004. 410 с.
12. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
13. *Чухвичев Д.В.* Особенности законодательной техники при проведении кодификации // *Право и политика*. 2005. № 10. С. 27–38.
14. *Философский словарь* / А.И. Абрамов, Л.Р. Авдеева, С.С. Аверинцев и [др.] / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
15. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред.: Л.Ф. Ильичёва, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Н. Панова. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
16. *Правда русская, комментарии*: в 2 т. Т. 2. / В.Г. Александров, Г.Е. Гейман, Н.Ф. Кочин, Б.А. Лавров, Б.В. Романов / под ред. академика Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 862 с.
17. *Памятники русского права*: Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства, XIV – XV вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1955. 527 с.
18. *Памятники русского права*. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства, XV – XVII вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1956. 632 с.
19. *Памятники русского права*. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / под ред. К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1957. 503 с.
20. *Памятники русского права*. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1961. 667 с.
21. *Свод законов Российской империи*, издания 1857 г. Т. 15. Законы уголовные. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. 964 с. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader, URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf> (дата обращения 20.01.2015).
22. *Судебные уставы 20 ноября 1864 г.*, с изложением рассуждения на коих они основаны, 2-е изд., доп. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. 504 с. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/289.html> (дата обращения 20.01.2015).
23. *Ратинов А.Р.* Вопросы познания в судебном доказывании / А.Р. Ратинов // *Сов. государство и право*. 1964. № 8. С. 106–113.
24. *Барабаш А.С.* Механизм установления свойств и характеристик доказательств в уголовно-процессуальном доказывании // *Вестник Красноярского госуниверситета. Сер.: Гуманитарные науки*. 2005. № 6. С. 182–185.
25. *Брестер А.А.* Уголовный процесс как познавательная деятельность // *Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей*. Ч. 51. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 8–13.
26. *Зажницкий В.И.* Соотношение доказывания в уголовном процессе и познания, осуществляемого в стадии возбуждения уголовного дела // *Российская юстиция*. 2010. № 7. С. 31–36.
27. *Степин В.С.* История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Академический Проект; Трикста, 2011. 423 с.
28. *Кони А.Ф.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 1 / сост. Л.Б. Амелин. 2-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1958. 630 с.

THE STRUGGLE OF RATIONAL AND IRRATIONAL PRINCIPLES IN THE HISTORY OF PROOF IN CRIMINAL CASES AND ITS CORRELATION WITH CHANGES IN SCIENCE

Russian Journal of Criminal Law, 2015, 1(5), 50–55. DOI 10.17223/23088451/5/9

Pisarevskiy Ilya I. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: original-sharm@yandex.ru

Keywords: proof, rationality, irrationality, history, monument of law.

The relevance of the topic is due to the fact that the study of proof, including the consideration in this context of the inner conviction of the judge, gives high priority to the empirical perception and subsequent logical manipulation of the evidence. Undoubtedly, this is caused by the modern construction of the criminal process and the existing legal doctrine, according to which proof has a rational nature. Thus, irrational principles are given minimum value. However, the philosophical discourse fixed the idea of postnonclassical rationality characterized by a flexible approach to knowledge and denying the need for complete elimi-

nation of subjective factors from this process. In this connection, there is a need to rethink approaches formed several decades ago.

The objectives of the study, therefore, are to track the value of irrationality in matters of proof, identify its trends and find its reason for existence. This is done by referring to the most important monuments of the criminal procedural law which reflect the level of development of legal thought and society at a certain stage, taking into account the analysis of changes in science.

The final aim of the work is to formulate the problem of the position of irrationality in proving in criminal cases and bring it to the attention of researchers.

Considering the basic codified acts issued during the period from the 11th to the 19th centuries and containing rules of criminal procedural law, the author of the article states that in the early stages of the development of the institute of proof irrationality played a leading role, but later did not disappear completely. The change in the role of irrationality correlates with the paradigmatic changes in science – scientific revolutions that represented a change of the types of dominant rationality.

At the present stage, the final formulation of the place of irrationality seems in the inner conviction of the judge, which, the author believes, is related to the development of scientific thought. Certainly, the basis of inner conviction in the first place is a logical comparison of the evidence. Thus, the dominance of rationality in proving is not contested. However, exclusion of irrationality in this process can only be considered as a kind of fiction. The question is whether this fiction is useful or not. The author states this issue should be subject to further study.

REFERENCES

- Ocheredin V.T. (2005) *Dokazyvanie v ugovnom protsesse* [Proof in a criminal trial]. Volgograd: VA MVD Rossii.
- Starikova Yu.A. & Lubin S.A. (2007) Opyt korrektyrovki nekotorykh klyuchevykh ponyatiy teorii dokazatel'stv i dokazyvaniya [Experience of adjustments of certain key concepts of the theory of evidence and proof]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 1. pp. 7–9.
- Lupinskaya P.A. (2010) *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in the criminal justice: theory, legislation, practice]. 2nd ed. Moscow: Norma.
- Serdyukov P.P. (1981) *Dokazatel'stva v stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela* [The evidence at the stage of a criminal case initiation]. Irkutsk: Irkutsk State University.
- Strogovich M.S. (1956) *Proverka zakonnosti i obosnovannosti sudebnykh prigovorov* [Checking the legality and validity of court sentences]. Moscow: AN SSSR.
- Sheyfer S.A. (2009) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: NORMA.
- Zablotskiy V.G. (1986) O dvukh aspektakh ponyatiya ugovno-protsessual'nogo dokazyvaniya [On two aspects of the concept of criminal procedure proof]. In: *Dokazyvanie po ugovnym delam* [Proving in criminal cases]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 27–32.
- Strogovich M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [The course of the Soviet penal process]. V. 1. Moscow: Nauka.
- Belkin A.R. (2005) *Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve* [The theory of proof in criminal proceedings]. Moscow: Norma.
- Marakhov V.G. (ed.) (1984) *Materialisticheskaya dialektika* [The materialist dialectics]. V. 4. Moscow: Mysl'.
- Abdullaev M.I. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Magistr-Press.
- Matuzov N.I. & Mal'ko A.V. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurist'.
- Chukhvicev D.V. (2005) Specific features of legislative technique in case of codification. *Pravo i politika – Law and Politics*. 10. pp. 27–38. (In Russian).
- Frolov I.T. (ed.) (2001) *Filosofskiy slovar'* [Philosophy Dictionary]. 7th ed. Moscow: Respublika.
- Il'icheva L.F. et al. (eds.) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- Grekov B.D. (ed.) (1947) *Pravda russkaya, kommentarii* [Russian Truth, commentaries]. V. 2. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Cherepnin L.V. (ed.) (1955) *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Is. 3: *Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva, XIV – XV vv.* [Monuments of law of the period of the centralized Russian state formation, 14th – 15th centuries]. Moscow: Gosyurizdat.
- Cherepnin L.V. (ed.) (1956) *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Is. 4: *Pamyatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva, XV – XVII vv.* [Monuments of law of the period of the centralized Russian state strengthening, 15th – 17th centuries]. Moscow: Gosyurizdat.
- Sofronenko K.A. (ed.) (1957) *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Is. 6: *Sobornoe ulozhenie tsarya Alekseya Mikhaylovicha 1649 goda* [1649 Code of Tsar Alexis]. Moscow: Gosyurizdat.
- Sofronenko K.A. (ed.) (1961) *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Is. 8: *Zakonodatel'nye akty Petra I* [Laws of Peter I]. Moscow: Gosyurizdat.
- Anon. (1857) *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii, izdaniya 1857 goda* [Laws of the Russian Empire, 1857 edition]. V. 15: *Zakony ugovnyye* [The criminal laws]. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii. Available from: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf>. (Accessed: 20th January 2015).
- Anon. (1867) *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenie na koikh oni osnovany* [Judicial charters of November 20, 1864, with the reasoning they are based on]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii. Available from: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/289.html>. (Accessed: 20th January 2015).
- Ratinov A.R. (1964) Voprosy poznaniya v sudebnom dokazyvanii [Questions of knowledge in legal evidence]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 106–113.

24. Barabash A.S. (2005) Mekhanizm ustanovleniya svoystv i kharakteristik dokazatel'stv v ugovorno-protsessual'nom dokazyvanii [The mechanism of establishing the properties and characteristics of evidence in criminal procedure proving]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 6. pp. 180–184.
25. Brester A.A. (2011) Ugolovnyy protsess kak poznavatel'naya deyatelnost' [The criminal process as a cognitive activity]. In: Sviridov M.K. et al. (eds.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Pt. 51. Tomsk: Tomsk State University. pp. 8–13.
26. Zazhitskiy V.I. (2010) Correlation of proving in criminal process and perception, which is performed when the proceedings are caused. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2010. 7. pp. 31–36. (In Russian).
27. Stepin B.C. (2011) *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Triksta.
28. Koni A.F. (1958) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. V. 1. 2nd ed. Moscow: Gosyurizdat.